

изъ этого жуткаго ледяного пространства вѣчной ночи. Гдѣ же ангелы? Гдѣ же Богъ? Ихъ нѣтъ

и здѣсь. Холодъ. Ледь. Молчаніе. Огонь. Смерть».

Ю. Сазонова.

Исторіософскія идеи Фридриха Визера.

Въ 1926 г. Фридрихъ Визеръ, знаменитый австрійскій экономистъ, выпустилъ большую книгу подъ заглавіемъ «Das Gesetz der Macht». Это — попытка осмыслить то, чего всѣ мы, сознательные или безсознательные, отвѣтственные или безотвѣтственные, были свидѣтелями, участниками и жертвами. Всѣ вопросы, на которые неизбежно распадается такая попытка, Визеръ свелъ къ одному, основному: какъ возможно, что по волѣ ничтожнаго меньшинства, или одного человѣка сотни, тысячи и десятки и сотни тысячъ людей безропотно и безъ сопротивления отправляются умирать за дѣло, часто имъ невѣдомое, постороннее, даже враждебное. Переживъ великую войну, говорить авторъ, мы можемъ яснѣе, нежели люди предшествовавшаго поколѣнія, разглядѣть эту основную проблему міровой исторіи и лучше ее понять. Не понявши же ся, не уяснивши себѣ, какъ возможны были такія событія, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ постройка Петербурга, какъ битвы послѣдней войны, нельзя вообще ничего понять въ исторіи. Вопросъ, который такъ отчетливо и такъ «на чистоту» поставилъ Визеръ, конечно, является главнымъ для всякаго историка, общественвѣда, правовѣда. Здравому смыслу ясно, почему подчиняются то-

гда, когда это выгодно, полезно. Но почему подчиняются и тогда, когда это явно невыгодно, даже прямо губительно? Вѣдь очевидно, что, если «всѣ» подчиняются «одному», или «темноимъ», то значить **хотять** этого. Отдѣлаться отъ этого допущенія нельзя, и между тѣмъ здравый смыслъ вопіетъ противъ него. Сказать, что люди любятъ рабствовать и тяготятся свободой, или же — что тоже самое, что они, какъ учить теоретики «естественнаго права» «забыли» о своихъ «неотъемлемыхъ правахъ», значить замѣнить объясненіе вербальной формулой. Въ чемъ же состоитъ эта загадочная **духовная мощь** всякой власти, оказывающаяся сильнѣе человѣческой природы, заставляющая человѣка парадоксальнымъ образомъ желать того, чего желать онъ **не можетъ**? Въ нормальныхъ времена, пока жертвы, которыхъ «Власть», «Государство», «Общество» требуетъ отъ личности не такъ ужъ ояготительны, отъ этого вопроса легко уклониться. Его просто какъ — то не замѣчаютъ. Но мы, столько вынесшіе и столько оплакавшіе, мы самой жизнью поставлены передъ нимъ вполнѣ новую. **Намъ** онъ навязывается. Разумѣется, Визеръ не первый, испытывавшій потребность отвѣтить на этотъ вопросъ такъ, чтобы отвѣтъ былъ подлинно отвѣтомъ, а не отговоркой, не первый, кото-

рый попытается отъ сомнительныхъ и наспѣхъ построенныхъ понятій обратиться къ самымъ реальностямъ. Многое изъ того, что вошло въ его книгу не является уже абсолютно новымъ для современныхъ историковъ и обществовѣдовъ, — и я увѣренъ, что не одинъ изъ его читателей нашелъ въ ней то, что нашелъ и я: нѣкій рядъ своихъ собственныхъ мыслей и наблюдений, подчасъ почти буквальныхъ совпадений. Такъ и должно быть, когда люди отваживаются подойти къ жизни непосредственно, «наивнѣю». Въдѣ есть же нѣчто, объективно намъ данное, безъ чего невозможно была бы и наука, и — при всемъ разнообразіи научныхъ индивидуальностей, — есть нѣчто, такъ или иначе роднящее между собою всѣ самые разнообразные по своей логической природѣ, по «направленію», по тенденціи, «подходы» къ той или иной проблемѣ, къ той или иной объективной данности. Для себя, «домашнимъ», такъ сказать, образомъ, каждый историкъ или обществовѣдъ, — если только громада всего того сплетенія условийхъ значеній, словесныхъ формъ, понятій, безъ которыхъ невозможно знаніе, вся та «наука», которая необходима для насъ, ибо она «сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни», позволяетъ эти опыты сжать, объединить и обнять сознаніемъ, не заставляя отъ него этихъ самыхъ «копытовъ», — пытается равно или поздно перейти отъ умственныхъ «отраженій» реальныхъ вещей къ самимъ вещамъ, отъ «рефлексіи» надъ тѣмъ, что уже было однажды «отражено» множествомъ чужихъ сознаній, къ «рефлексіи»

надъ тѣмъ, что онъ самъ непосредственно усмотрѣлъ. На бѣду, громадное большинство изъ насъ позволяютъ себѣ это поглядыванье за кулисы «научныхъ понятій» лишь изрѣдка, наспѣхъ, урывками: все кажется, что это не уйдетъ, что всегда «успѣется» — подобно тому, какъ грѣшникъ считаетъ, что онъ «всегда успѣетъ» подумать о душѣ. Визеръ одинъ изъ немногихъ — вмѣстѣ съ «прогрессомъ науки», съ угрожающимъ набуханіемъ ея плоти, они появляются все рѣже и рѣже — который «успѣлъ». Его книга завершаетъ собою всю его долгую научную дѣятельность и является словно духовнымъ его завѣщаніемъ: вскорѣ послѣ ея выхода въ свѣтъ Визеръ скончался, — Изложить ее въ рамкахъ журнальной статьи чрезвычайно трудно, столь она богата содержаніемъ. Я дамъ анализъ лишь нѣкоторыхъ частей ея, которыя показались мнѣ особо замѣчательными.

✽

Основной законъ исторической жизни — «законъ малаго числа». Никогда большинство не господствуетъ надъ меньшинствомъ. Всегда — наоборотъ Почему? Просто потому, что умныхъ, смѣлыхъ, сильныхъ и потому удачливыхъ всегда мало. Власть рождается изъ усилія, обезпечиваемаго силою. Власть внѣшняя, власть т. сказ. физическая, предполагаетъ власть внутреннюю, власть надъ сознаніемъ, надъ людскими душами. Психологія общества съ этой точки зрѣнія — отношеній между массой и вождями — едва еще разработанъ. Подъ «психологіей массы» изслѣдователи, специально

занимающіеся ею (Ле-Бонъ, Сигеле), подразумѣваютъ собственно психологію толпы, массы, представленной самой себѣ, — болѣе того, психологію специфической «городской толпы», отравленного алкоголемъ, сбитаго съ толку миллионными бреднями охлоса большихъ городовъ, участника сентябрьскихъ убійствъ, еврейскихъ и иныхъ погромовъ и т. под. Отношеніе Общества къ Власти эти изслѣдователи сводятъ къ одному, простѣйшему, случаю, — отношенія массы - стада — къ вожаку, къ панургову первому барану; психологія этихъ отношеній исчерпывается въ ихъ глазахъ простыми подражаніемъ. Для историка, однако, гораздо важнѣе жизнь не «толпы», а общества, народа, націй, не случайнаго сборища людей, а организованнаго прочными длительными узами, связаннаго, пребывающаго въ смѣнѣ отдѣльныхъ индивидуальныхъ элементовъ, коллективнаго цѣлаго; его отношенія не къ вожаку, но къ Вождю, къ носителю власти, отношенія чрезвычайно сложныя и опредѣляемыя прежде всего какъ разъ и именно тѣмъ, что они основаны вовсе не на подражаніи, не на простомъ воспроизведеніи дѣйствій вождя, а на выполненіи его предначертаній, на послѣдованіи ему. Въ соотвѣтствіи съ этимъ встаетъ проблема, для теоретиковъ «психологіи толпы», строго говоря, не существующая: проблема появленія, выдвигенія Вождя. Для изслѣдователя «психологіи толпы», повторяю, все дѣло обстоитъ весьма просто: «вождь, это — тотъ баранъ, котораго перваго Панургъ бросилъ въ море». Для историка

общества, а не толпы ясно, что вождемъ не становится первый попавшійся и только потому, что онъ — первый. Вождь, индивидуальный-ли, или коллективный (правлящій классъ, правящее сословіе, или партія, или народъ), очевидно, долженъ удовлетворять какимъ-то требованіямъ для того, чтобы заставить себѣ подчиниться. Очевидно также, что то, что данное лицо или данный коллективъ, вообще могъ стать вождемъ объясняется тѣмъ, что это удовлетворяетъ какой-то потребности, присущей всякому обществу, — ибо «законъ малаго числа» дѣйствителенъ для всякаго общества. Легче всего отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ. И отвѣтъ надо искать не въ «психологіи» толпы, а въ чемъ-то иномъ, въ техническихъ условіяхъ дѣятельности коллектива.

Сколько-нибудь обширный коллективъ нуждается въ Вождѣ сплошь да рядомъ не потому, что не знаетъ, какъ и что ему дѣлать, а просто потому, что по чисто техническимъ условіямъ нуженъ кто-то, кто бы нѣчто дѣлалъ за него. Нормальный ходъ исторической жизни складывается изъ взаимоотношеній всякаго рода коллективовъ, взаимоотношеній возможныхъ только потому, что между этими коллективами существуютъ извѣстныя, пусть только молчаливо признаваемые, договоры. Но сотни и тысячи договариваться другъ съ другомъ не могутъ — это исключается технически. Договариваются всегда отдѣльныя единицы. Власть возникаетъ не изъ «контракта», но ради контракта. «Общественный договоръ» — договоръ не единицъ,

вступающих въ общество, между собою съ одной стороны и съ властью, съ другой, а договоръ между обществами; и онъ является не «основой» власти, а ея **причиной**. Напримѣръ: не могутъ «всѣ» договариваться относительно кандидатовъ въ парламентъ. Технически необходимо, чтобы кто-то подsunулъ «всѣмъ» списокъ кандидатовъ. Этого — или эти — «кто-то», собственно, и **выбираютъ**. «Всѣ» не «выбираютъ», они только говорятъ «да», или «нѣтъ».

Инирирование такой важной стороны социальной реальности, какъ «техника массы», мѣшаетъ теоретикамъ «соціальной психологіи» оцѣнить, какъ слѣдуетъ, и значение общества для индивидуальной психологіи. Эти теоретики проводятъ слишкомъ рѣзкую грань между личностью «въ обществѣ» и тою же личностью «въ частной жизни». Подъ «психологіей общества» или «толпы» они, конечно, разумѣютъ «психологію личности въ толпѣ» — и вотъ для нихъ построеній характерно то, что вліяніе «массы» или «толпы» на личность для нихъ **ограничивается** только временемъ физическаго пребыванія личности «въ толпѣ». На самомъ дѣлѣ средній человекъ всегда находится въ моральной зависимости отъ «другихъ» («шап», «оп»). Рѣчь идетъ не о томъ, что личность «сама по себѣ» есть понятие относительное, что ея духовный фондъ есть продуктъ «исторіи» и «среды» и т. д., — а просто о томъ, что огромное большинство людей привыкло оглядываться на то, что дѣлаютъ, думаютъ, говорятъ «другіе», и что средній человекъ, прежде

чѣмъ принять какое-либо рѣшеніе, ждетъ, какъ поступить эти «другіе». Отсюда — инерція массы и отсюда же известная **устойчивость** общества. Стремиться къ мощи, къ власти, къ расширенію сферы своего вліянія свойственно каждому здоровому человеку, свойственно поэтому и всякой здоровой массѣ. Соучастіе всѣхъ и каждого въ соответствующей дѣятельности массы уже въ силу «техники массы» не только потенцируетъ силы каждой отдѣльной личности, но создаетъ для нея известное **давленіе** со стороны массы: личность не въ силахъ отказать отъ своей доли участія въ общемъ усилии, въ общемъ подвигѣ; однажды одержанный общими усилиями, подъ водительствомъ даннаго Вождя, успѣхъ, все тянетъ вѣру въ Вождя и въ успѣхъ подъ водительствомъ его и въ будущемъ, подсказываетъ готовность даже на личное самопожертвованіе — до такой степени стремленіе къ **своей собственной** власти и мощи сливается въ сознаниіи съ такимъ же стремленіемъ всей массы. Такъ народъ подчасъ превосходитъ самою себя, проявляетъ чудеса героизма, упорства и выносливости; но иногда эти же условія, этого же избытокъ силъ и стремленіе къ мощи могутъ и погубить народъ — и именно сила и здоровье, а не болѣзненная слабость могутъ оказаться губительными: укоренившіеся вѣра въ Вождя сохраняется, не взирая на неудачи, кажущіяся временными; на отказъ отъ повиновенія Вождю никто не рѣшается первый, каждый оглядывается на «другихъ»; въ надеждѣ на конечный счастливый результатъ и въ силу об-

шественной инерции, народ не-
сет все новья и новья жертвы
— и въ концѣ кощовъ истекаетъ
кровью и гибнетъ

Такъ выясняется, что власть,
приушая опредѣленному конкрет-
ному ея «посигелю», на самомъ
дѣлѣ есть власть извѣстнаго убѣ-
жденія, извѣстной тенденціи
надъ людскими душами, власть
сверхличныхъ, идеальныхъ силъ,
идей. Въ конечномъ итогѣ
власть надо мною принадле-
житъ тому, что я самъ се-
бѣ предписалъ. Право, вѣра, на-
ука, мода и т. д. суть такіе же вла-
стигели, какъ царь, полководецъ,
парламентъ, политическая партія.
Духовная природа всякой власти
обнаруживается всего яснѣе изъ
анализа проблемы господства **пра-
ва**. У цивилизованныхъ народовъ
праву принадлежитъ безусловное
верховенство въ области полити-
ческихъ и общественныхъ отно-
шеній, въ послѣднее же время
право начинаетъ подчинять себѣ и
область отношеній международ-
ныхъ. Всякому извѣстно, что гос-
подство права предполагаетъ на-
личность развитого **правосознанія**.
Но что такое правосознаніе? пра-
вовое чувство? правовое стремле-
ніе? Чѣмъ отличается господство
права отъ внѣшняго принужденія,
отъ власти обычая, отъ власти
Истины и Красоты? Голосъ внѣш-
няго принужденія звучитъ въ ду-
шѣ какъ: «ты вынужденъ», обы-
чай — какъ «такъ надо» (man
muss); зовы, исходящіе отъ Ис-
тины и отъ Красоты, какъ «я вы-
нужденъ»; голосъ же Права —
какъ «я долженъ» (ich soll) въ
сочетаніи съ другимъ голосомъ
«я въ состояніи» (ich darf). Пра-
восознаніе есть вѣра въ **долж-**

ность предписаннаго, его **цѣл-**
ность въ смыслѣ **цѣлесообразно-**
сти (тогда какъ Истинное и Пре-
красное тоже цѣльны, хотя вопросъ
объ ихъ цѣлесообразности не воз-
никаетъ). Право частной собствен-
ности потому и «священно», что
частная собственности оправдана
себя. Допустимъ, что техника про-
изводства и его организанія при-
ведутъ къ тому, что частная соб-
ственность перестанетъ быть цѣл-
лесообразнымъ институтомъ. Она
перестанетъ переживаться какъ
правовой институтъ, перестанетъ
быть «священной». Если бы пра-
во цѣлнлось личностью только въ
мѣру того, поскольку осуществле-
ніе его въ каждомъ данномъ слу-
чаѣ непосредственно цѣлесообраз-
но, то власть его была бы ничтожна.
Въ томъ-то и дѣло, что точ-
ка зрѣнія утилитаризма здѣсь не-
приложима. Право — духовная **си-**
ла въ томъ смыслѣ, что оно дѣй-
ствительно **подчиняетъ** себѣ лич-
ность, заставляетъ ее **служить**
праву и приносить ему **жертвы**.
Господство права надъ сознаниемъ
состоитъ въ томъ, что голосъ «я
могу» (въ смыслѣ «я имѣю пра-
во») звучитъ какъ «я долженъ»,
«я обязанъ» осуществить мое пра-
во, добиваться его осуществленія,
хотя бы то обошлось мнѣ доро-
го. Гемпдену, богатому помѣщику,
гораздо выгоднѣе и, съ точки зрѣ-
нія узко-личной, **цѣлесообразнѣе**
было бы уплатить ничтожное ко-
личество шиллинговъ «корабель-
ной денгии», нежели настаивать на
своемъ правѣ не платить. Но
Гемпденъ **не осмѣлился** отказаться
отъ своего права, **морально не**
могъ отказаться. Его правосознаніе
было, такъ сказать, «сильнѣе его».
Господство права, такимъ обра-

зомъ, обозначаетъ добровольное самоограниченіе правовыми нормами. Мы видѣли, что ничего необъяснимаго, таинственнаго въ происхожденіи власти правовыхъ нормъ нѣтъ, — хотя упрощенный утилитаризмъ и гедонизмъ объяснить эту власть не могутъ, правовыя нормы отражаютъ отношенія, такъ или иначе, своимъ успѣхомъ, оправдавши себя. Здѣсь требуется одна лишь оговорка. **государственные** отношенія слишкомъ сложны и слишкомъ трудно обозримы, чтобы они могли найти себѣ отраженіе въ правѣ, право отражаетъ не ихъ самихъ, но ихъ идею, ихъ идеальный образъ. Право монархіи держится на идеальномъ образѣ государя-самодержца, якобы недоступнаго никакимъ воздѣйствіямъ со стороны отаѣльныхъ лицъ; право Демократіи — на мнѣіе о «должномъ образѣ освѣдомленныхъ» и «сознательно голосующихъ» (Руссо) «всѣхъ».

Несомнѣнный и разительный фактъ господства надъ личностью духовныхъ силъ, господства нерѣдко во вредъ самой личности, господства, вызывающаго личность на жертвы — вплоть до ея самоуничтоженія, свидѣтельствуетъ о несостоятельности всѣхъ теорій объ атомистическомъ строеніи общества. Фактъ этотъ можетъ внушить и внушаетъ — мысль объ «объективномъ» бытіи духовныхъ цѣнностей, а также о «приматѣ» коллективныхъ личностей надъ единичными, мысль о томъ, что единичная личность есть не что иное, какъ «клеточка» общественнаго «организма». Однако дана намъ все же только единичная личность. И «сверхличныя» духовныя силы, порабащующія ее

себѣ, все же рѣдятся только въ ней самой и только, проникая въ ея сознаніе, овладѣваютъ ею. Ученіе объ «общественномъ организмѣ», о «коллективныхъ личностяхъ» и т. под. въ сущности только подмѣняетъ **анализъ** явленія отношеній господства и подчиненія вербальными формулами. Ничего въ сущности не объясняя, подобныя концепціи только заслоняютъ собою отъ насъ реальность. Известно, что сверхличныя силы дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онѣ дѣйствуютъ дольше. Время само есть сила и ему самому принадлежитъ власть. Это можно понять лишь въ томъ случаѣ, если усвоить себѣ ту истину, что личность связана не «Коллективомъ», какъ некоторымъ «организмическимъ цѣлымъ», частью котораго она является, но своими отношеніями ко «всѣмъ другимъ», *отношеніями, определяемыми законами «техники массъ»*. Продолжительное дѣйствіе того или иного обычая, нормы, учрежденія есть не что иное, какъ накопленіе повторныхъ массовыхъ дѣйствій. Повторныя же массовыя дѣйствія создаютъ **массовую привычку**. Эта массовая привычка обладаетъ значеніемъ болѣе широкимъ, нежели привычка индивидуальная. Последняя, создавая извѣстный автоматизмъ, облегчаетъ работу. Привычка массовая помогаетъ «среднему человѣку» еще и въ томъ отношеніи, что устраняетъ для него возможность **выбора**. Чѣмъ длителнѣе, чѣмъ древнѣе традиція, тѣмъ плавнѣе и однообразнѣе катится полнокъ исторіи. Нарушить **массовую** привычку можно было бы въ томъ случаѣ, если бы на это пошло большинство

во. Но какъ это могло бы быть осуществимо, если, въ силу закона «техники массъ», каждый оглядывается на другихъ?

Эти утверждения могутъ показаться банальностями. Однако, на нихъ приходится настаивать, ибо чаще всего именно самоочевидныя истины и забываются; тѣмъ самымъ утрачивается и возможность пониманія сущности историческихъ процессовъ, а, въ конечномъ итогѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, и «смысла исторіи».

Историческая жизнь состоитъ въ развитіи формаций, начало которымъ кладется **успѣшнымъ насиліемъ**. Успѣхъ сообщаетъ силѣ вѣншей, власти, доселѣ державшейся принужденіемъ, значеніе силы внутренней, власти надъ сознаниемъ. Все болѣе и болѣе широкія массы заражаются **волевою устремленностью**, исходящей отъ Вождя. Послѣдованіе Вождю пріобрѣтаетъ для все большаго и большаго числа людей характеръ **добровольный**. Съ теченіемъ времени власть освящается и укрѣпляется **традиціей**, имѣющей значеніе привычки, которая для каждаго средняго человѣка становится «второю натурою». Такимъ образомъ въ исторіи дѣйствуетъ законъ **убыванія насилія и увеличенія свободы**. Развитие всякаго народа начинается съ *bellum omnium contra omnes* и завершается, какъ общее правило, выработкой свободнаго Національнаго государства. Это развитіе, однако, не протекаетъ равномерно. Всякая сложившаяся власть стремится къ возможно большому расширенію и усиленію; ибо никакихъ внутреннихъ сдержекъ этому стремленію въ человѣческой душѣ нѣтъ: вѣдѣ

стремленіе къ власти, къ самоутвержденію, къ расширенію есть законъ жизни, болѣе того — самая жизнь. Власть, пустившая корни, освященная и упроченная **массовою привычкою**, власть, не могущая вообразить себѣ, чтобы кто - нибудь могъ на нее серьезно покуситься (геніальный Сперанскій болѣе ста лѣтъ тому назадъ предупреждалъ, что самодержавіе держится единственно «царелюбіемъ» и что царелюбіе уже идетъ на убыль), безсознательно, инстинктивно усиливаетъ свое дѣйствіе до степени **гнета** и тѣмъ самымъ **изолируетъ себя** отъ массы. Тѣмъ самымъ она перестаетъ быть живой, творящей исторію, духовной силой: она мертвѣетъ и держится еще **только** привычкою. Достаточно, чтобы изъ нѣдръ народа возникла какая - то новая живая сила, чтобы кто-либо первый, наконецъ, рѣшился сказать и сдѣлать то, на что не отваживается «средній» человѣкъ, ожидающій почина отъ «другихъ», чтобы эти «другіе» ринулись вслѣдъ смѣльчаку, — сперва немногіе, затѣмъ, послѣ перваго успѣшнаго насилія, все въ большемъ числѣ, -- и т. д. Такъ происходитъ круговоротъ власти. Люди, привыкшіе къ нормальному теченію жизни, знающіе о насиліи только по наслышкѣ и «изъ исторіи», будучи захвачены революціей, переживаютъ тяжелый нравственный кризисъ: виновники насилія кажутся имъ какими - то исчатіями ада, употребленіе насилія — свидѣтельствомъ объ органической испорченности человѣческой природы, потрясеніе духовныхъ основъ, на которыхъ доселѣ держалось общество — чѣмъ - то вро-

дѣ мировой катастрофы, сумерокъ боговъ. Конечно, на насиліе требуется рѣшимость, очень часто обусловливаемая отсутствіемъ нравственныхъ сдержекъ, — однако, вовсе не всегда и не обязательно (Кромвелль!) И во всякомъ случаѣ, когда приходится выбирать между насиліемъ и омертвѣніемъ, смертью отъ артеріосклероза, — никакой здоровый народъ не поколеблется въ выборѣ. Безъ насилія же смѣна власти немислима. Дѣло не въ испорченности человѣческой природы, а все въ той же «техникѣ массы». Революціи въ редакціи газеты или въ правленіи клуба происходятъ безъ кровопролитія, безъ висѣлицъ и гильотины. Это потому, что чѣмъ тѣснѣе, чѣмъ малочисленнѣе кругъ «другихъ», съ которыми связанъ «каждый», тѣмъ значительнѣе роль индивидуальныхъ людскихъ различій и тѣмъ меньше размѣръ объединяющаго ихъ «общечеловѣческаго», «среднечеловѣческаго», начала. тѣмъ слабѣе его давленіе, тѣмъ, слѣдовательно, слабѣе сила привычки, традиціи, тѣмъ большая открывається свобода выбора, тѣмъ большая, наконецъ, обеспечивается возможность сговора. Но «всѣ» другъ съ другомъ сговариваться не могутъ, и новый кандидатъ въ вожди, вышедшій изъ среды «всѣхъ» и до поры до времени въ глазахъ этихъ «всѣхъ» имѣющій не большее значеніе, нежели «всякій другой», очевидно также не можетъ сговариваться со «всѣми» (о чемъ? съ какой стати? по какому праву?), — а долженъ **успѣшнымъ насиліемъ** заявить о себѣ, зарекомендовать себя и стать центромъ тяготѣнія общест-

венныхъ симпатій. Съ теченіемъ времени насильники сходятъ со сцены, насиліе забывается, остается — обновленный Революціей, оживившій свою традицію и тѣмъ упрочившій свою власть народъ. Якобинскій терроръ, Наполеоновщина, фашизмъ, большевизмъ — временные перерывы въ движеніи отъ насилія къ свободѣ, временные откаты назадъ, рецидивы насилія, **закономѣрно обусловленные самой внутренней сущностью этого процесса историческаго развитія**. Насиліе направляется, собственно говоря, не столько противъ носителя власти, сколько противъ обаянія, въ которомъ власть по традиціи держитъ души «всѣхъ» и каждого», не столько противъ «власти», сколько противъ «общества». Что можетъ «власть», т. е. физическій носитель ея, едва только ея обаяніе нарушено? Революціи продолжаются и продолжаютъ «углубляться» еще долгое время послѣ того, какъ «старый режимъ» и его представители сметены — обычно безъ большого напряженія и безъ сколько-нибудь значительнаго сопротивленія, — пока «новый режимъ» не внѣдритъ въ сознаніе «всѣхъ» убѣжденіе въ своей непоколебимости, мощи и прочности и, тѣмъ самымъ, не станетъ для нихъ «законнымъ» режимомъ.

Не является ли, однако, въ такомъ случаѣ «круговоротъ исторіи» попросту сказкой про бѣлаго бычка? Нѣтъ, потому что каждая революція приобщаетъ къ власти все болѣе и болѣе широкіе слои народа. Сущность революцій не въ замѣнѣ одной правящей кучки другою. Революція вѣдь начинается съ того, что «всѣ другіе»,

— т. е. на дѣлѣ, конечно, слой, умственно и материально всего ближе стоящій къ правящему слою, — кидаются за удачливымъ насильникомъ, зовущимъ за собою обязательно «всѣхъ», — ибо революція — то вѣдь и состоитъ въ инстинктивномъ протестѣ противъ отчужденія власти отъ «всѣхъ», результатомъ революціи, следовательно, неизбежно должно явиться расширеніе социальнаго базиса власти. Если революція переходить черезъ стадію захвата власти сьорганизовавшимся, законспирированнымъ, или какъ-нибудь иначе скрѣпленнымъ морально, «спѣвшимися» меньшинствомъ (индепендентскіе «святые» 1649 года, якобинцы, фашисты, РКПб), то это явленіе хоть неизбежное, но временное. Законъ «убыванія насилія и увеличенія свободы» является вмѣстѣ съ тѣмъ и закономъ «увеличенія равенства».

Такъ, въ «круговоротѣ власти», изъ правящаго слоя (класса, касты, народности) и «массы» постепенно формируется нація, т. е. союзъ, объединенный какъ политически, такъ и культурно. Правительство — потому и правительство, что оно обладаетъ властью надъ сознаниемъ массъ; масса естественно тянется во всѣхъ отношеніяхъ за вождемъ; его боги, боги, благословившіе его дѣло, становятся естественно ея богами; культура проникаетъ все глубже и глубже, и вотъ, между прочимъ, почему всякая Революція есть шагъ впередъ въ образованіи націи: сознающіе себя духовно равными бывшему вождю стремятся сравняться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ и, свергнувъ его, на-

слѣдовать самимъ его власти, возвыситься, такъ сказать, «въ націю». Такъ слой, относящійся къ «націи» послѣдовательно утолщается, покуда весь «народъ» не становится «націей», т. е. тѣмъ резервнымъ фондомъ, изъ котораго постоянно черпаются все новыя и новыя силы, освѣжающія власть, — такъ что **національная демократія** является самымъ прочнымъ изъ всѣхъ режимовъ, режимомъ, пребывающимъ въ смѣнѣ властей; — говорю, **національная демократія**, т. е. демократія, въ которой формальному политическому равенству соответствуетъ извѣстная общность культуры.

Нація — явленіе новаго времени. Греки и Римляне были культурными народностями, но не націями, поскольку они образовывали культурный слой, не дѣлвшійся своей культурой съ окружающей сферой. Нація прочнее культурной народности. Она **неистребима**, пока только ея жизненные силы не истощены, — между тѣмъ какъ въ древности единственнымъ носителемъ народной культуры былъ правящій слой, съ уничтоженіемъ этого слоя уничтожалась и культура.

Общность культуры во всѣхъ общественныхъ слояхъ въ предѣлахъ извѣстнаго конгломерата людей, пространственно объединенныхъ, — вотъ, что образуетъ націю. Этотъ конгломератъ можетъ и не быть объединеннымъ политически. Но тогда его прочность меньше. Совершенная нація есть **гео-политическая** величина.

Этими опредѣленіями сущность Націи не исчерпывается. Ихъ надо уточнить. Нѣтъ, сказали мы.

нации без общности культуры. Этимъ еще не все сказано. Общность культуры въ смыслѣ одинаковыхъ бытовыхъ привычекъ еще не создаетъ изъ народа нации Варварскій народъ, живущій правда, общей жизнью, но живущій ею безсознательно, еще не нация. Нѣтъ нации безъ **національнаго идеала**, безъ осознанной **національной идеи**. Данте и Петрарка создавали итальянскую націю, Лютеръ, Лессингъ, Гердеръ, Фихте — нѣмецкую. Только что приведенные примѣры показываютъ, что, если политическая нація немислима безъ общенаціональной культуры, то такая культура, напротивъ, мыслима и безъ національно-политическаго объединения. Болѣе того, дробленіе можетъ оказаться на пользу національной культуры, какъ это было въ Греціи и въ Италіи времени Ренессанса: соревнованіе городовъ и «дворовъ» было однимъ изъ условій расцвѣта искусства и литературы. Въ Англіи и во Франціи, осуществившихъ свое объединеніе весьма рано, расцвѣтъ національной культуры приходится точно, на время національнаго единства: это, однако, только временная, не — причинная связь, говоритъ Визеръ.

Въ этомъ — первостепенной важности — пунктъ разсужденія Визера нуждаются въ развитіи, въ ограниченіяхъ и въ оговоркахъ.

На это наталкиваетъ онъ самъ, своимъ глубокомысленнымъ опредѣленіемъ нации, какъ носительницы національной идеи. Но что такое «національная идея», какъ не убѣжденіе въ извѣстномъ **призваніи** народа, въ **нѣкоторой**, наложенной на него, **обязанности**, обя-

занности осуществлять ту или иную **цѣльность**, — свободу (Геродотъ, Перикль у Фукидида), право и порядокъ (Вергилій), всееленское единство въ Богѣ и Церкви черезъ Имперію (Данте)? И какъ возможно одушевленіе національной идеей, идеей національнаго мессіанства, безъ стремленія стать плечомъ къ плечу, локоть къ локтю, спиться въ одну массу, въ одно, свое, **государство**? Расцвѣтъ греческой культуры приходится на V-ый вѣкъ, время послѣ греко-персидскихъ войнъ, время пробужденія, среди между-городскаго соперничества, общезлѣнитскаго національнаго чувства, обезпечившаго и возможность общезлѣнитскаго усилія. И въ Италіи Ренессанса національная идея даетъ начало не только поэзіи Данте и Петрарки, но и попыткамъ Ріенци и Цезаря Борджіа. Когда же, на время (XVII — XVIII в.), итальянская національная идея ступшевыяется, меркнетъ, то мельчаетъ, скудѣетъ и національная культура. Она сохраняетъ свое изящество, свою плѣнительность, но лишается величавости, мощности, общечеловѣческой содержательности. Что касается Франціи, то Emile Mâle (*L'Art religieux en France*, I) замѣчательно вѣрно сравнилъ XIII-ый вѣкъ въ ея исторіи, вѣкъ храмозданія и расцвѣта восхитительной, чисто классической храмовой скульптуры, съ V-ымъ вѣкомъ Эллады: тамъ великій вѣкъ искусства приходится на время національнаго подъема, вызваннаго побѣдой надъ Персами; здѣсь — на время такого же подъема, обусловленнаго общенаціональнымъ же предпріятіемъ — крестовыми походами. Вторич-

но расцвѣтъ французской культуры совпадаетъ со временемъ героическихъ усилій французскаго народа въ борьбѣ за гео - политическое самоопредѣленіе, съ дѣятельностью Ришелье, Мазарини и Людовика XIV. Расцвѣтъ англійской культуры приходится на время Елисаветы, время борьбы за церковно - національную независимость и начатковъ англійской Имперіи. А Державинъ и Суворовъ, а отечественная война, пожаръ Москвы и — Пушкинъ, неужели и то тоже только «ein zeitliches Zusammentreffen»?

Всего менѣе зависимость между тягой народа къ осуществленію своей національной идеи и расцвѣта его духовной культуры обнаруживается въ Германіи. Высшей точки национальная культура достигаетъ въ пору, когда здѣсь прочно сложились очень въ сущности здоровыя и содержательныя областныя традиции (о чемъ великолѣпно разсказано въ *Dichtung und Wahrheit*), -- и эта культура носила рѣзко выраженный универсалистическій характеръ. Однако, этотъ универсализмъ очень быстро (Фихте, романтики!) даетъ основу для специфическаго нѣмецкаго мессіанизма: нѣмцы призваны создать вселенскую, общечеловѣческую культуру! Такъ создается психологическая почва для нѣмецкаго націонализма. Культурный подъемъ подготавливаетъ національное гео - политическое объединеніе, — что, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ признаетъ самъ Визеръ (подробности объ этомъ процессѣ см. въ издѣнной книгѣ *Meinecke, Vom Weltbürgertum zum National-*

staat). Въ концѣ концовъ, и здѣсь расцвѣтъ національной культуры и политическое объединеніе оказываются связанными отнюдь не одной лишь хронологической связью.

Чѣмъ полнѣе осуществлена идея націи, какъ культурнаго и гео - политическаго цѣлага, тѣмъ сильнѣе ея самоограниченіе (какъ и у сознательной и зрѣлой личности) — и притомъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Франція эпохи Людовика XIV еще не знаетъ, какъ слѣдуетъ, гдѣ собственно она кончается. Въ нынѣшнюю же войну, она, щедро надѣлая чужими землями своихъ неразборчивыхъ и готовыхъ все поглотить восточныхъ вассаловъ, сама проявила мудрую умѣренность и не пожелала принести къ своему тѣлу ключья чужого тѣла. Стремленіе зрѣлыхъ, сложившихся, законченныхъ націй къ расширенію находитъ себѣ исходъ въ колониальныхъ предпріятіяхъ, въ образованіи заморскихъ имперій.

Реализація Націи, какъ нѣкоего культурнаго и гео - политическаго единства, предполагаетъ во - первыхъ, демократизацію просвѣщенія, распространеніе его вширь, что неизбежно влечетъ за собою пониженіе средняго уровня культуры, ошибочно принимаемое за конецъ національной культуры, хотя неясно, почему и въ какомъ отношеніи это можетъ воспрепятствовать духовнымъ вождямъ народа дѣлать свое дѣло; во - вторыхъ, демократизацію власти. Въ моментъ наиболѣе сильнаго напряженія національной энергіи, максимальной остроты національнаго чувства, когда бытие націи поставлено подъ во-

просомъ, когда отъ народа требуютъ жертвы, на какія въ нормальное время онъ самъ едва-ли считалъ бы себя способнымъ, — необходимость вовлеченія народа въ активную политическую жизнь, приобщенія его въ той или иной формѣ къ власти, замѣны видимости демократіи, — каковою въ странахъ, политически незрѣлыхъ, была до Войны парламентская демократія, — на самомъ дѣлѣ олигархія крупныхъ капиталистовъ и профессиональныхъ политикановъ, — демократіей подлинной становится настоящей, повелительной. Въ этихъ государствахъ послѣ Войны, т. е. тогда именно когда кризисъ національнаго бытія особенно обострился (во время Войны онъ менѣе сознавался, умы были отуманены фантастическими надеждами, одурманены ядомъ шовинистической агитаціи, временными мѣрами поддерживалась къ тому же видимость благосостоянія), произошли революціи въ нѣдрахъ самой демократіи, — какъ всѣ революціи, вообще, путемъ насилія и учрежденія диктатуры. Унывать — или ликовать — по этому поводу насчетъ «крушенія» демократіи не приходится. Демократія переживаетъ кризисъ, а не «крушеніе». И тамъ, гдѣ она покоится на здоровыхъ устояхъ, гдѣ она существуетъ на дѣлѣ, а не по имени только, тамъ (Франція, Англія, Бельгія) въ диктатурѣ необходимости не оказалось.

Русскій кризисъ существенно отличается отъ зап. — европейскаго. Если европейскія послѣвоенныя диктатуры имѣютъ своею цѣлью реализацію политическаго и гражданскаго равенства, то большевизмъ преслѣдуетъ осуще-

ствленіе равенства абсолютнаго, что въ конечномъ итогѣ приводитъ къ невыносимому, еще неслыханному на памяти людской, гнету. Но можетъ быть именно эта исключительность гнета и приведетъ къ торжеству свободы въ Россіи *).

Оправдывается ли этотъ оптимизмъ передъ лицомъ всѣхъ пережитыхъ и еще переживаемыхъ ужасовъ? Надо, однако, имѣть въ виду, что оптимизмъ Визера — особаго свойства. Онъ не закрываетъ глазъ на то, что, если въ предѣлахъ каждой народности развитіе идетъ въ направленіи отъ насилія къ свободѣ и равенству, то того же нельзя констатировать въ области международныхъ отношеній. Поленицированіе національнаго начала влечетъ за собою эксцессы націонализма, національную ограниченность, исключительность, нетерпимость, взаимное озлобленіе, затемненіе въ сознаніи людей идеи **человѣчества**. Французъ для нѣмца и нѣмецъ для француза уже не просто челоуѣкъ данной народности, но нѣкое олицетвореніе «Франціи» или «Германіи», т. е. **врага**. И если законченныя, завершенныя на-

*) О Россіи Визеръ говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги — всегда обнаруживая рѣдкую всестороннюю и глубокую освѣдомленность и необычайное пониманіе; говоритъ при томъ такъ, какъ этотъ мудрецъ говоритъ, вообще, обо всѣхъ формахъ жизни — съ исключительной способностью **сочувствія**, никогда не съ озлобленіемъ и съ полной свободой отъ кодычихъ взглядовъ и оцѣнокъ.

цин въ Европѣ не преслѣдовали цѣлей территоріальныхъ захватовъ, то къ гегемоніи онѣ все же стремились и стремятся, — и современная война, война **народовъ**, **вѣрнѣе**, — **націй**, была въ тысячу разъ болѣе ожесточенной, нежели прежнія войны, войны «государей». Дialeктика историческаго процесса сказалась въ томъ, что какъ разъ тогда, когда история стала **мировой**, духовныя связи, какія нѣкогда, худо-ли, хорошо-ли, скрѣпляли культурное чело-вѣчество, порвались окончательно. Наличие **мирового хозяйства** вызвала къ жизни мировую систему, но эта система оставалась безъ всякой **организации**. Грандіозность катастрофы, размѣръ ужасовъ, переживаемыхъ современнымъ чело-вѣчествомъ, свидѣтельствуютъ какъ разъ не о «сумеркахъ цивилизации», не объ **упадкѣ**, а о **полнотѣ жизни**. Гдѣ «упадокъ», тамъ ибѣтъ мѣста **трагедіи**. **Мировая война** произошла изъ-за повсемѣстной мощи неурегулированнаго, неупорядоченнаго жизненнаго напора. Изъ этой же полноты жизненнаго порыва произошли и современная крупная **промышленность**, и восходящее движеніе народныхъ массъ, и распадъ былой цѣльности культуры — въ силу натиска новой духовной силы, науки, знанія, противъ традиціонной владычицы, религіи, — и многое еще, — вплоть до эмансипаціи женщины и крушенія традиціонной семейной морали.

Волюнѣ понятно, что у интеллигентовъ, глядящихъ на жизнь со стороны, у эстетовъ, у моралистовъ «старой школы» возникаетъ чувство «сумерокъ культуры». Но

тѣ чудеса героизма, самоотреченія, выдержки, которые проявили какъ разъ культурнѣйшіе народы во время великой войны, говорятъ противъ этого, свидѣлствуютъ не объ упадкѣ, но о подъѣмѣ, объ избыткѣ жизненныхъ силъ. Не жизненный ущербъ, но дезорганизация, разстройство жизненныхъ отношеній, послѣдствіе уже до войны существовавшей, хотя въ скрытомъ видѣ и не сознававшейся, какъ слѣдуетъ, духовной анархіи, отсутствіе **общей духовной власти**, которая соотвѣтствовала бы запросамъ, созданнымъ вовлеченіемъ всего чело-вѣчества въ одинъ общій потокъ исторіи, — вотъ современная болѣзнь. Мало осознать ее. Стремленіе къ національному обновленію и къ внутреннему и внѣшнему миру должно стать внутренней силой, овладѣть духомъ. «Оно должно сообщить вождямъ и массамъ нравственное мужество, которое бы не уступало отвѣгъ война, и чувство долга вмѣстѣ съ готовностью выполнить его до конца. Власть идеи мира, для того чтобы она могла помѣряться съ властью идеи войны, должна была бы стать сильной, чтобы она могла поддерживать въ людяхъ тѣ же добродѣтели — отваги, новиновенія, рыцарства, — чтобы она могла вызывать къ жизни орденъ рыцарей мира, который бы продолжалъ двойную традицію духовно - рыцарскихъ орденовъ эпохи Крестовыхъ походовъ, традицію заботы о душѣ и готовности къ бою, — въ данномъ случаѣ къ бою на попріщѣ нравственности; орденъ, который бы перенялъ отъ масонскаго ордена неудержимое стремленіе къ свѣту Истины, отъ іезу-

итского — строгость дисциплины, глубокое знаніе людей и міра, убѣжденіе въ святости своего дѣла и несокрушимую и всепокоряющую волю къ власти». Таково завѣща-

ніе, оставленное отошедшимъ въ вѣчность мыслителемъ вступающимъ въ жизнь поколѣніямъ.

П. Бицилли.

Германскія предложенія сепаратнаго мира Николаю II.

I.

Со времени пораженія на Марнѣ, германской дипломатіи не могло не стать яснымъ, что при относительномъ равенствѣ силъ двухъ коалицій война неизбежно должна принять затяжной характеръ. Послѣдній не можетъ не привести къ такому положенію вещей, при которомъ отъ той или иной коалиціи будетъ отторгнуто если не слабѣйшее, то наиболѣе пострадавшее звено. Поэтому послѣ остановки германскаго нападенія на западномъ фронтѣ нѣмцы приложили всѣ усилія къ тому, чтобы нанести рѣшительный ударъ на Востокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрная расчетливый традиціямъ Бисмарка, пощадившаго Австрію послѣ ея военного разгрома, германская дипломатія неоднократно предлагала Россіи заключить сепаратный миръ и соблазняла ее обѣщаніемъ выгодъ связанныхъ съ прекращеніемъ войны для Россіи

Если бы государственные дѣтели Антанты оцѣнили по достоинству эту кампанію «Zwang und Lohn'a», которая по рецептамъ германскихъ юристовъ велась по отношенію къ Россіи, вся исторія

войны могла бы повернуться въ другую сторону.

Если бы дѣтели Антанты сознавали необходимость найти наиболѣе пострадавшее звено у центральныхъ имперій, то крайнимъ напряженіемъ военной и дипломатической энергіи Антанты они по всей вѣроятности сумѣли бы вывести Турцію изъ германской коалиціи, заключивъ съ нею сепаратный миръ. Но такъ какъ союзники не работали надъ осуществленіемъ идеи сепаратнаго мира съ тою энергіей и настойчивостью, какъ нѣмцы, то въ результатъ трагическая дилемма сепаратнаго мира обернулась противъ Россіи. Въ результатъ, несмотря на то, что Германія встрѣтила въ Россіи гораздо болѣе трудную обстановку для осуществленія своей задачи, нежели союзники имѣли въ Турціи, — упорство въ достиженіи идеи сепаратнаго мира у нѣмцевъ и пренебреженіе къ ней у союзниковъ оказалось роковымъ для Россіи, на два года увеличилось продолжительность мировой войны и на нѣкоторое время поставило подъ угрозу самый исходъ посѣдней.

При такихъ условіяхъ въ особенности интересно прослѣдить тотъ путь, при помощи котораго